

ХІІ.

„Бывалыхъ нѣтъ въ душѣ видѣній“. „Милости просимъ, святая проза“.

I.

Когда въ 1826-мъ году Жуковскому поручено было руководить учебной частью воспитанія наследника престола, его общественное міросозерцаніе сложилось прочно; серьезно и благоговѣйно принялъ онъ къ сердцу свое назначеніе, въ сознаніи высокаго долга—и своей неприготовленности: *Toute ma vie est maintenant dévouée à mon sacré devoir*“, писалъ онъ государынѣ въ день отъѣзда (11 мая 1826 г.). „*Que Dieu me donne la santé et surtout la capacité pour le remplir dignement. Je n'ai à présent qu'un seul but: il me fait supporter ma vie, mais aussi il me remplit de crainte, car je me défie de mes forces*“¹⁾. „*Ce devoir est l'unique but de mon éxistence*“, повторяетъ онъ изъ Парижа 15/27 іюня 1826 года, *c'est en lui seul que se réunissent maintenant toutes mes idées de bonheur ici-bas „toutes mes plus chères espérances“*; его опасеніе, — „*c'est celle de mon incapacité et mon peu d'expérience*“. И въ то же время у него вспыхиваетъ воспоминаніе о старинѣ съ ея неосуществившимися идеалами; изъ Парижа и въ томъ же мѣсяцѣ онъ писалъ г-жѣ Моро де ла Мельтьеръ: „Муратово — это мѣсто, гдѣ протекалъ мой золотой вѣкъ. То была поэтическая жизнь, и только тогда я былъ поэтомъ. Изъ этого прошедшаго ничего не существуетъ, а что и осталось, то весьма перемѣнилось.... А я брошенъ на особаго рода путь, котораго никогда не думалъ

1) Русская Старина 1903, мартъ, стр. 47—8

выбирать и по которому влечет меня сама судьба. И вотъ я отданъ дѣятельности, вовсе не похожей на ту, которая нѣкогда наполняла мою душу“. На то воля Провидѣнія; новая дѣятельность пугаетъ его, но онъ готовъ ей отдаться, она наполняетъ его существованіе; вся его жизнь принадлежитъ ей. И опять у него сомнѣнія: ни онъ, ни Мёрдеръ, назначенный воспитателемъ наслѣдника, не отвѣчаютъ своей цѣли, пишетъ онъ государынѣ (іюля 1/13 1827 г.), для этого надо быть ученымъ „въ наукѣ человѣчества“, „испытать борьбу человѣческихъ страстей въ особенности на поприщѣ политическомъ“, „пройти этотъ курсъ наукъ не по книгамъ, но по событіямъ и выработать изъ этихъ практическихъ наблюденій нравственныя правила“¹⁾. — Онъ „учится“ въ Дрезденѣ, въ Парижѣ, этого недостаточно. „Жуковскому очень бы хотѣлось возвратиться на полгода въ какой нибудь нѣмецкій университетъ, писалъ Ал. Тургеневъ брату Николаю (8 сентября 1827 г.), ибо онъ чувствуетъ, какъ академическая жизнь прилѣпляетъ къ труду учебному и ученому, и для будущаго его занятія эти полгода были бы полезны. Но это только — *ria desideria*“.

Въ Петербургѣ, куда Жуковскій явился въ октябрѣ 1827 года, онъ всецѣло отдался своему долгу. „Живу очень уединенно, пишетъ онъ Ал. Тургеневу, всегда почти обѣдаю дома, изрѣдка бываю въ людяхъ; на это у меня опредѣленный часъ послѣ обѣда“²⁾. Онъ отдыхаетъ лишь на своихъ литературныхъ субботахъ, „на высотѣ семидесятиступенной“, „на четвертомъ небѣ“³⁾, въ квартирѣ Шепелевскаго дворца, или показывается

1) „Въ политикѣ я не судья, писалъ впоследствии Жуковскій (въ характеристикѣ Радовица 1850 г.), могу только съ нѣкоторою ясностью повторить то, что слышалъ, но не могу взять на себя произнести какой нибудь приговоръ, ибо для того нужна опытность политическая, которой я не имѣю, нужно имѣть передъ глазами весь ходъ происшествій современныхъ: я не могъ слѣдовать за ними съ надлежащимъ вниманіемъ на всѣ подробности, бывъ занятъ своимъ личнымъ дѣломъ“. См его письмо къ вел. кн. Константину Николаевичу 2/14 марта того же года: его жизненная дорога „была стороннею тропинкою, хотя и прошла черезъ свѣтлый домъ русскаго царя; цвѣтовъ опытности я не много на ней собралъ: я не практическій человѣкъ“. Слѣдуетъ выдержка изъ его статьи 1848 г. „Теорія и практика.“

2) Изъ письма Ал. Тургенева къ брату Николаю 26 декабря 1827 г.

3) См. письмо Гнѣдича къ Жуковскому 18 апрѣля 1828 г. и В. Перовскаго къ нему же 17 сентября того же года, Русская Старина 1903 г. іюль

въ салонѣ Россети-Смирновой, литературной красавицы, у которой собирались его друзья, поклонники „небеснаго дьяволенка“, какъ звалъ ее Жуковский, „донья Соль“ кн. Вяземскаго. Здѣсь онъ могъ отводить душу въ живой бесѣдѣ, полюбоваться на своего „феникса-Пушкина“. Онъ какъ дома: такъ добродушенъ, такъ мило остритъ, ему даютъ прозвища „Sweet William“, „бычокъ“, „милый, мычащій бычокъ.... тотъ самый бѣлый быкъ, о которомъ рассказываетъ дѣтская сказка“, — и онъ доволенъ. Часто онъ отсутствуетъ, потому что долженъ работать ¹⁾.

„Работалъ онъ, какъ бенедектинецъ. Сколько написалъ онъ, сколько начерталъ плановъ, картъ, конспектовъ, таблицъ историческихъ, географическихъ, хронологическихъ! вспоминаетъ кн. Вяземскій. Бывало, придешь къ нему въ Петербургѣ: онъ за книгою и дѣлаетъ выписки, съ карандашемъ, кистью или циркулемъ, и чертитъ и малюетъ историко-географическія картины ²⁾.

Въ „планѣ ученія“, представленномъ Жуковскимъ государю, цѣлью воспитанія поставлено: „образование для добродѣтели“ путемъ развитія природныхъ добрыхъ качествъ воспитанника, его ознакомленіе съ окружающимъ, съ тѣмъ, что онъ есть и долженъ быть, какъ „существо нравственное и бессмертное“.

„Занятій множество, писалъ Жуковский Зонтагъ: надобно учить и учиться, и время все захвачено. Прощай навсегда поэзія съ приемами. Поэзія другого рода со мною, мнѣ одному знакомая, понятная для одного меня, но для свѣта безмолвная. Ей должна быть посвящена вся остальная жизнь“ ³⁾.

Ал. Тургеневъ прислалъ ему выдержку изъ похвального слова Боссюэ, Жирардена: „Dans une monarchie l'éducation du prince est une sorte de ministère; c'est un dépôt sacré dont les peuples quelque jour auront droit de demander compte. Bossuet s'en chargea avec une sorte d'effroi religieux. Cette cour brillante, cet appareil de magnificence, cet enfant nourri dans la grandeur et dont le berceau même n'avait pas manqué de courtisans, que de perils et de travaux! „Je désire servir Dieu, dit-il

1) Записки Смирновой I стр. 42, 130.

2) Полное собраніе сочиненій кн. Вяземскаго т. VII, ст. 470.

3) Зейдлицъ I. с. стр. 143 слѣд. Сл. Соч. и переписка П. А. Плетнева III, стр. 92.

dans une de ses lettres, mais le monde, le monde! les mauvais conseils! les mauvais exemples! Sauvez nous, Seigneur, sauvez nous! J'espère en votre bonté et en vôtre grâce: vous avez bien préservé les enfants de la fournaise, mais vous envoyâtes votre ange; et moi, hélas! qui suis-je?" 1).

Жуковскій могъ волноваться по тѣмъ же соображеніямъ. Его тронуло „дружеское чувство“ къ нему Николая Тургенева, которое онъ вычиталъ въ письмѣ его къ брату 2), въ письмѣ граф. Разумовской (28 октября 1827 г.), и отвѣчая Александру Тургеневу, онъ снова касается наболѣвшаго у него вопроса. До сихъ поръ или, лучше сказать, когда Николай Тургеневъ могъ его видѣть, онъ смотрѣлъ на него, Жуковскаго, какъ на „какого-то потеряннаго въ европейской сферѣ. Ни моя жизнь, ни мои знанія, ни мой талантъ не стремили меня ни къ чему политическому. Но когда-же *общее дѣло* было мнѣ чуждо? Я не занимался современнымъ, какъ бы было должно—это правда; и теперь вижу, что мнѣ многого не достаетъ въ моемъ теперешнемъ званіи, ибо теперешнія занятія пожираютъ все вниманіе, все сердце и все время. На вѣднѣе могу только заглядывать изрѣдка, урывками. А знакомство съ нимъ необходимо для вѣрности, солидности и теплоты идей. Я живу теперь для *одного* исключительно и одно только имѣю безпокойство, часто мучительное, хорошо ли сдѣлаю свое дѣло. Другихъ безпокойствъ нѣтъ никакихъ на счетъ себя, ибо ничего *себѣ* не ищу“

1) См. письмо Ал. Тургенева къ брату Николаю 18 ноября 1827 г. Барантъ былъ удивленъ, узнавъ, „что воспитаніемъ наслѣдника руководить поэтъ; въ Парижѣ объ этомъ ничего не знали“. Когда Барантъ сказалъ это Смирновой, она отвѣтила: „Это странно, такъ какъ г. Ла-Фероннэ зналъ Жуковскаго, и они бесѣдовали вмѣстѣ, даже Ла-Фероннэ прозвалъ его русскимъ Фенелономъ“. — Говорили-ли они о воспитаніи? спросилъ Ла-Фероннэ; можетъ быть, отвѣчала Смирнова, они говорили при мнѣ о „Духѣ Христіанства“, о религіозной поэзіи по поводу Расина и Жана Батиста Руссо, Жуковскій о Мильтонѣ; но за разговоромъ я не слѣдила и въ записки свои не внесла; впрочемъ, я была тогда очень молода, заключаетъ она (Записки А. О. Смирновой I стр. 228). Ла-Фероннэ былъ французскимъ посланникомъ въ Петербургѣ.

2) „Какою частію занимается Жуковскій? спрашивалъ брата Николай Тургеневъ (14 сентября 1826 г.). Очень радуюсь, что онъ съ вами. Изъ всѣхъ людей, которыхъ я знавалъ, я не видалъ другой души, столь чистой и невинной. Я, бывало, негодовалъ на него, что онъ въ стихахъ своихъ не говоритъ объ уничтоженіи рабства“. Русская Старина 1901 г., май, стр. 255.

(20 ноября/5 декабря 1827 г.). „Я не почитаю себя ни счастливымъ, ни несчастливомъ; у меня есть должность, я живу для ея исполненія“ (къ Ал. Тургеневу, 4 февраля 1828 г.).

Пріятели могли говорить и тогда, какъ нѣсколько лѣтъ спустя, что Жуковскій не исполняетъ святой, лежавшей на немъ обязанности, „для коей приставили его къ наслѣднику; не его вина была бы, если бы онъ и надоѣлъ напоминаніямъ; не рисовать, а читать, учиться надлежало.... У него должна была быть одна мысль: заронить искры, пробуждать чувство, обращать, отвращать отъ баловъ и парадовъ и устремлять на лучшее устройство; заговаривать о важномъ, хотя бы и не слушали его, не отвѣчали ему. Россія, друзья истинные его и отечества не заглянуть въ его альбомы, а спросить, что узналъ онъ и его воспитанникъ, чѣмъ прельщался онъ и что вывезъ изъ Германіи и Англій для Россіи. Ему надлежало такъ надоѣсть великому князю и прочимъ приставникамъ, чтобы быть отослану или съ дороги, или по возвращеніи, и тогда бы онъ дорисовалъ свой альбомъ спокойной кистію и съ спокойной совѣстію на досугѣ и сохранилъ бы *otium cum dignitate* (Ал. Тургеневъ кн. Вяземскому 1839 годъ 21 апрѣля).

Жуковскій сдѣлалъ свое дѣло, положивъ на него все сердце и время, совѣстливо, въ предѣлахъ возможности и въ размѣрѣ своихъ гуманныхъ идеаловъ.

Жуковскій во дворцѣ былъ отрокомъ Бѣлева:
Онъ вѣру, и мечты, и кротость сохранилъ
И дѣвственной души онъ ни лукавствомъ слова,
Ни тѣнью трусости, дитя, не пристыдилъ ¹⁾.

Стихи кн. Вяземскаго, поддержанные слѣдующими воспоминаніями, освѣщаютъ эту пору дѣятельности Жуковскаго, бросая свѣтъ и на его раннее положеніе при дворѣ въ 1817—20-хъ годахъ, и на неуравновѣшенность его берлинскаго дневника ²⁾. „Оффиціальныи Жуковскій не постыдитъ Жуковскаго поэта. Душа его осталась чиста и въ томъ и въ другомъ званіи“. Разумѣется, бывали у него и темныя минуты. „Особенно, такія

1) Изъ стихотворенія „Замѣтка“. Полное собр. соч. кн. Вяземскаго, т. XI, стр. 388.

2) См. выше стр. 310 слѣд.

минуты могли падать на долю Жуковского въ средѣ, въ которую нечаянно былъ онъ вдвинутъ судьбою. Впрочемъ, не все тутъ было дѣломъ судьбы или случайности. Призваніемъ своимъ на новую дорогу Жуковскій былъ обязанъ первоначально себѣ, то есть личнымъ своимъ нравственнымъ заслугамъ, дружбѣ и уваженію къ нему Карамзина и полному довѣрію царскаго семейства къ Карамзину. Какъ бы то ни было, онъ долго, если не всегда, оставался новичкомъ въ средѣ, опредѣлившей ему мѣсто при себѣ. Онъ вовсе не былъ честолюбивъ въ обыкновенномъ значеніи этого слова¹⁾. Онъ и при дворѣ все еще былъ „Бѣлева мирный житель“. Отъ него все еще пахло, чтобы не сказать, благоухало, сельскою элегіей, которою началъ онъ свое поэтическое поприще. Но со всѣмъ тѣмъ, онъ былъ щекотливъ, иногда мнителенъ: онъ былъ цвѣтокъ „не тронь меня“; онъ иногда приходилъ въ смущеніе отъ малѣйшаго дуновения, которое казалось ему неблагопріятнымъ, именно потому, что онъ не родился въ той средѣ, которая окружала и обнимала его, и что онъ былъ въ ней пришлый и такъ сказать чужеземецъ. Онъ, для охраненія личнаго достоинства своего, бывалъ до раздражительности чувствителенъ, взыскателенъ, можетъ быть, иногда и не кстати²⁾. Переписка его, въ свое время, все это выскажетъ и обнаружитъ, но между тѣмъ и докажетъ она, что всѣ эти маленькія смущенія были мимолетны. Искренняя, глубокая преданность съ одной стороны, съ другой уваженіе и сочувствіе были примирительными средствами для скорого и полного восстановленія случайно или ошибочно разстроеннаго равновѣсія³⁾.

Дневникъ, веденный съ 27 іюля по 4 августа 1837 г. старымъ пріателемъ Жуковского, Александромъ Михайловичемъ Тургеневымъ, въ дни пріѣзда въ Москву Жуковского съ наследникомъ, и начинающійся чѣмъ то въ родѣ обращенія къ другу, открываетъ другія, не столь веселыя перспективы на обстановку, въ которой находился воспитатель⁴⁾. „На тебя смотреть

1) См. выше стр. 307 отзывъ Карамзина.

2) Слѣды этой излишней чувствительности сохранились въ дневникѣ. См. напр. замѣтку подъ 9/21 апрѣля 1839 года: „привезли ленту и брильянты Кавелину, а мнѣ оплеуху“. Сл. дневникъ 1839 г. 25 іюня.

3) Полное. собр. соч. кн. Вяземскаго, т. VII, стр. 472.

4) См. К. Я. Гротъ, В. А. Жуковскій въ Москвѣ въ 1837 году. Спб. 1902 г. стр. 6—8.

вся Россія, вся Европа. Первая утѣшаетъ себя мыслью упованія, наслаждается благоденствіемъ, уготованнымъ трудами и попеченіемъ твоимъ при развитіи душевныхъ качествъ питомца твоего; вторая знаетъ тебя, какъ знаменитаго автора. Ты не принадлежишь самъ себѣ; имя твое будетъ извѣстно въ позднѣйшемъ потомствѣ. Роль твоя à peu près — роль Адашева. Въ этихъ отношеніяхъ ты ходишь, какъ говорятъ, по ножевому острю. Ты всѣмъ извѣстенъ добротою души и сердца твоего. Всѣ знаютъ, что душа твоя свѣтла, какъ зеркало, съ котораго и малѣйшее дуновеніе мгновенно исчезаетъ. Но знай, что ты имѣешь много людей недоброжелательствующихъ тебѣ. Всѣмъ тѣмъ, которыхъ называютъ у насъ родовыми, ты не угоденъ, потому что у тебя нѣтъ трехсаженной поколѣнной ермолафіи¹⁾. Въ шестьдесятъ лѣтъ жизни мнѣ довелось видѣть одного въ большомъ табунѣ родовыхъ, который не принадлежалъ къ роду, а прочіе всѣ носили отпечатокъ наслѣдниковъ Тараса Скотинина. Сколько разъ слышалъ я восклицанія на счетъ выбора твоего: чему быть доброму, что можемъ у него занять, чему научиться? Стихи писать? И вслѣдъ за сими восклицаніями панегирикъ Екатеринѣ II за премудрое избраніе Николая Ивановича Салтыкова²⁾, человѣка п...ѣйшаго и гн...ѣйшаго, какого когда либо видали подъ солнцемъ.... Я увѣренъ..., что ты скорѣе согласишься умереть, нежели сдѣлать какую-либо подлость. Но суди жъ о людяхъ, и именно родовыхъ, которые до того и тупы и дерзки, что осмѣливаются тебя ставить въ параллель съ Н. И. Салтыковымъ. И потому повторяю тебѣ, ты ходишь по ножевому острю. Помни, родовая сволочь на все способна!... Питомца твоего масса любить и обожаетъ, родовая сволочь видитъ въ немъ направленіе, не сообразное съ ея желаніями. Она будетъ всячески стараться употреблять всѣ ухищ-

1) Ермолафія — чепуха (здѣсь въ смыслѣ родословной); Ермолафъ — кличка А. М. Тургенева въ письмахъ къ нему Жуковскаго. „Я невѣжда — Ермолафъ“ писалъ Тургеневъ Жуковскому, укорявшему его за то, что „Кота въ сапогахъ“ онъ предпочитаетъ Одиссеѣ. Крыловъ вывелъ подъ именемъ Ермолафиды писателя новѣйшей (Карамзинской) формаци, невѣжу, отрипавшаго всѣ науки и „правила древнихъ“ во имя „свободы словесныхъ наукъ“. Сл. Похвальная рѣчь Ермолафиду, говоренная въ собраніи молодыхъ писателей. С.-Петербургскій Меркурій 1798 г. апрѣль ч. 2-ая, стр. 26 слѣд.

2) Князь Н. И. Салтыковъ, съ 1783 г. воспитатель вел. князей Александра и Константина Павловичей.

ренія, чтобы завладѣть грунтомъ и истребить добрыя сѣмена, тобою насажденныя. Уповаю на Бога! Это ей не удастся“.

„Поэзія, идущая рядомъ съ жизнью, товарищъ несравненный“, писалъ Жуковскій въ 1815 году ¹⁾; стиль этой поэзіи удержался и въ эпоху мадригала, когда „сердечное воображеніе“ вступило въ роль сердца, но за тѣмъ товарищъ сталъ сторониться. 1821 — 2 годы были для Жуковского климатерическими. Самъ онъ надѣялся, что путешествіе не только „оживитъ и расширитъ его душу“ и его „вялость душевная побавится“, но что оно пробудитъ „давно уснувшую поэзію“; въ 1822 году онъ сознается, что „поэзія уже перестала быть отголоскомъ жизни“ ²⁾. „Время поэзіи уже пролетѣло для Жуковского, пролетѣло навсегда, писалъ впоследствии Полевой: восемь лѣтъ тому назадъ (въ 1823-мъ году) онъ спрашивалъ дарователя пѣснопѣній, генія чистой красоты, возлагая на алтарь его все, что сохранилъ отъ милыхъ, темныхъ и ясныхъ минувшихъ дней, отъ времени прекраснаго, — цвѣты уединенной мечты и цвѣты лучшей жизни, спрашивалъ его о возвратѣ вдохновенія и говорилъ:

Бывалыхъ нѣтъ въ душѣ видѣній
И голосъ арфы замолчалъ.
Его желаннаго возврата
Дождаться-ль мнѣ когда опять?
Или навѣкъ его утрата
И вѣчно арфѣ не звучать?“ ³⁾.

Вернется ли когда череда „свѣтлыхъ вдохновеній“, поэтъ не знаетъ, но ему знакомъ еще „геній чистой красоты“, онъ различаетъ сіяніе его звѣзды и еще надѣется.

Не умерло очарованье
Былое сбудется опять
(Я музу юную бывало).

1) См. выше стр. 209.

2) См. выше стр. 233.

3) Очеркъ I 96. Рѣзкій, но едва ли справедливый отзывъ Полевого въ другомъ мѣстѣ статьи (стр. 115): „Съ изгнаніемъ непріятеля (1812 г.) возобновились мирныя занятія Жуковского. Но геній *собственной* поэзіи его, блеснувшій на минуту, тогда же уже исчезъ. Все, что ни писалъ онъ послѣ были . . . переводы съ нѣмецкаго, или лирическія, на случай сочиненныя пьесы“.

Въ немъ замирало мало по малу то настроеніе, которое, пережитое и выстраданное однажды въ жизни, оставалось въ немъ и позже живымъ, хотя бы и формальнымъ ферментомъ; источникъ его элегической фантазіи не билъ съ прежней силой. „Моя муза молчитъ, пишетъ онъ Дмитріеву (1825 г. 28 марта): она выбрала теперь для себя совсѣмъ другую дорогу и не смѣетъ ее покинуть или, лучше сказать, не можетъ“. „Съ 1817 года начинается другая половина жизни моеѣ, совершенно отличная отъ первой, писалъ онъ въ послѣдствіи импер. Николаю. Я былъ приближенъ къ особѣ государыни императрицы... Въ это время я продолжалъ еще писать¹⁾. Но съ той минуты, въ которую возложена была на меня учебная часть воспитанія великаго князя, авторство мое кончилось и я сошелъ со сцены“²⁾. Въ 1827 году (27 ноября) онъ извиняется передъ Измайловымъ, что ничего не даетъ въ его „Литературный Музеумъ“: „ничего не написалъ и не скоро что-нибудь написать надѣюсь“; сердится на Тургенева, что онъ снабдилъ его стихами альманахъ Ѳедорова (Памятникъ отечественныхъ музъ, изданный на 1827 г.): „во всемъ его альманахѣ не было ничего хуже моихъ пьесъ“³⁾. Онъ перекладываетъ въ стихи сказки, возвращается къ балладамъ и входитъ постепенно въ колею переводовъ, въ тотъ третій періодъ своей дѣятельности, когда изъ лирика онъ сталъ „болтливымъ сказочникомъ“⁴⁾, „смирнымъ поэтомъ-разскащикомъ“⁵⁾, изъ „таинственно-заносчиваго германскаго романтика“ — „смирнымъ классикомъ“⁶⁾. Въ концѣ 1832 и началѣ 1833 года онъ переводитъ съ какимъ то лихорадочнымъ спѣхомъ: въ 1832 г. 2—4 декабря новаго стиля переведенъ изъ Уланда der Waller (Братоубійца), 5—6-го его же Der Rehberger (Рыцарь Роллонъ), 7-го восемь строфъ изъ Der junge Königssohn und die Schaferin Уланда (Царскій сынъ и поселянка),

1) Несмотря на „грамматическія занятія“. Сл. выше стр. 271 прим. 5 и стр. 369 прим. 1. Въ 1819 году, 5 июня, И. И. Дмитріевъ писалъ А. Тургеневу: „Можетъ быть, Плещеевъ успѣетъ обратить Жуковскаго къ поэзии и простудитъ его къ грамматическимъ таблицамъ. Какъ можно поэту заниматься такою работою!“ Русская Старина 1903 г. ноябрь, стр. 716.

2) Письмо 30 марта 1830 г., Русскій Архивъ 1896 г. № 1, стр. 109 слѣд.

3) Къ Тургеневу, январь 1835 г.

4) Къ Государынѣ 1842 г.

5) Къ И. В. Кирѣевскому 1844 г.

6) Къ С. С. Уварову 1848 г.

8-го его-же Graf Eberhard Weissdorn (Старый Рыцарь), съ 9-го по 30-е: три главы Ундины; 20 генваря 1833 г. начало Уллина (Campell'я Ullin's daughter), съ 21-го по 29-ое изъ Шиллера Eleusisches Fest; 13—14 февраля отрывокъ, всего 67 стиховъ, какой то нѣмецкой пьесы съ дѣйствующими лицами Элленой и Гунтрамомъ¹⁾.

Эта изумительная переводческая дѣятельность его не удовлетворяетъ. „Стиховъ написано довольно, сообщалъ онъ Тургеневу (15 генваря 1833 г.), но все еще не расписался и *чертаю изъ друицъ, а своею не начиналъ*, и не знаю, удастся ли написать что-нибудь свое: для этого нужно больше живости и свѣтлости воображенія, которому болѣзнь большая помѣха“. „Кажется мнѣ, что время поэзіи для меня миновалось; можетъ быть, это оттого, что жизнь моя сама по себѣ безцвѣтна и что лѣта уже взяли свое, то есть застудили то, что *не было никогда обращено въ живое пламя*“. Въ такомъ настроеніи онъ упрявился писать, кое-что напссалъ, но многое бросилъ, и это его разстроило (къ тому же 14/26 марта 1833 г.); а друзья успѣли уже проблаговѣстить, что онъ началъ поэму (кв. Вяземскій Жуковскому 29 генваря 1833 г.).

Критика становилась назойливѣе. И прежде Каченовскій жаловался на „западные, чужеземные туманы“, застилавшіе для него поэзію Жуковскаго, на „обороты, блески ума и непонятную выпренность“ нѣмецкихъ стихотворцевъ, а Благонамѣренный глумился надъ его подражателями „тевтонороссами“. Въ 1825 г. Вяземскому пришлось защищать Жуковскаго отъ нареканій, будто онъ выдавалъ чужое за свое, „что было возможно, пока наша публика мало слыхала о Шиллерѣ, Гёте, Бюргерѣ и другихъ нѣмецкихъ романтическихъ поэтахъ; теперь все извѣстно: знаемъ, что откуда заимствовано, почерпнуто или пересказано“. Жуковскаго упрекали въ однообразіи; правда, отвѣчасть Вяземскій, многія изъ его произведеній, а въ особенности послѣднія, носятъ какой-то общій отпечатокъ, но, за немногими исключеніями, однообразіе, односторонность, одноличность скорѣе достоинство, признакъ таланта, вѣдь и „цвѣтокъ имѣетъ одинъ запахъ, плодъ одинъ вкусъ, красавица одно выраженіе“²⁾.

1) См. дневники Жуковскаго подъ указанными числами и его Бумаги стр 104—5.

2) Полное собраніе сочиненій кв. Вяземскаго. I, стр. 179—80. Это

Пушкинъ также выступилъ въ защиту учителя. „Никто не имѣлъ и не будетъ имѣть слога, равнаго въ могуществѣ и разнообразіи слогу его. „Въ бореньяхъ съ трудностью силачь необычайный“. Переводы избаловали его, излѣнили. Онъ не хочетъ самъ созидать, но онъ, какъ Voss, гений перевода. Къ тому же смѣшно говорить о немъ, какъ объ отцвѣтшемъ, тогда какъ слогъ его еще мужаетъ. „Былое сбудется опять“, и я все чаю въ воскресеніе мертвыхъ“¹⁾. Онъ не сочувствуетъ строгому отзыву Бестужева о Жуковскомъ: „Зачѣмъ кусать намъ груди кормилицы нашей?.... Что ни говори, Жуковскій имѣлъ рѣшительное вліяніе на духъ нашей словесности; къ тому же переводный слогъ его остается навсегда образцовымъ“²⁾. Рылѣевъ готовъ согласиться съ Пушкинымъ относительно заслугъ Жуковскаго по языку; онъ „имѣлъ рѣшительное вліяніе на стихотворный слогъ нашъ — и мы за это навсегда должны остаться ему благодарными, но отнюдь не за вліяніе его на духъ нашей словесности, какъ пишешь ты. Къ несчастію, вліяніе это было слишкомъ пагубно: мистицизмъ, которымъ проникнута большая часть его стихотвореній, мечтательность, неопредѣленность и какая то туманность, которыя иногда въ немъ даже прелестны, растлили многихъ и много зла надѣлали. Зачѣмъ не продолжаетъ онъ дарить насъ прекрасными переводами изъ Байрона, Шиллера и другихъ великановъ чужеземныхъ? Это болѣе можетъ упрочить его славу“³⁾. И въ то-же время Кюхельбекеръ пародировалъ „Жалобу Цереры“ и нѣкоторые монологи „Орлеанской дѣвы“, чѣмъ вызвалъ острастку Пушкина⁴⁾: когда-то и самъ онъ погрѣшилъ пародіей на „Двѣнадцать спящихъ Дѣвъ“ (какъ въ 1818 году на начало „Тлѣнности“), съ его стороны это „недостатокъ эсте-

тѣ же нападки, что позже у Полевого, Очерки I стр. 117, 135 — 6, и та-же защита, что у Бѣлинскаго (въ статьѣ объ Очеркахъ Полевого, От. Зап. 1840).

1) Къ кн. Вяземскому 1825, 25 мая.

2) Къ Рылѣеву 23 января 1825 г.; сл. Сочиненія кн. Вяземскаго, I, стр. 181.

3) Къ Пушкину 1825, 12 февраля. Сл. стихотвореніе Боратынскаго къ „Богдановичу“ 1827.

4) Къ Кюхельбекеру 1825 г., въ началѣ декабря; сл. письмо къ кн. Вяземскому 1825 г. до 22 апрѣля противъ Полевого за пародіи на Жуковскаго.

тического чувства. Непростительно было (особенно въ мои лѣта) пародировать, въ угожденіе черни, дѣвственное поэтическое созданіе¹⁾.

Подъ крыломъ Жуковскаго выросъ и возмужалъ поэтъ новаго поколѣнія, и учитель призналъ въ немъ „ученика-побѣдителя“, слѣдить за его успѣхами, наставляеть—и журить, когда тотъ волновался въ ссылкѣ и рвался на свободу. Онъ обращается къ нему любовно, называя его арзамасскимъ прозвищемъ: Сверчокъ моего сердца. „Ты созданъ попасть въ боги—впередъ! Крылья у души есть, вышины она не побоится. Тамъ настоящій ея элементъ. Дай свободу этимъ крыльямъ—и небо твое; вотъ моя вѣра.... Быть сверчку орломъ и долетѣть ему до солнца“. Но тутъ-же оговорка—по поводу „Демона“: „Къ черту черта! Вотъ пока твой девизъ“; „я не знаю совершеннѣе по слогу твоихъ „Пыганъ“. Но, милый другъ, какая цѣль? Скажи, чего ты хочешь отъ своего генія? Какую память хочешь оставить о себѣ отечеству, которому такъ нужно высокое?“ Надо бросить эпиграммы, „должно быть возвышеннымъ поэтомъ“, создать что-нибудь безсмертное, „превосходное, великое“. Обратившись къ такой поэзіи, онъ создастъ тебѣ свободу и—мѣсто на русскомъ Парнассѣ, если „съ высокостію генія“ онъ соединитъ „и высокость цѣли“. *Талантъ ничто, главное: величіе нравственное.* Слава Пушкина еще не согласна съ его нравственнымъ „достоинствомъ“; къ такому согласію онъ долженъ стремиться: будь „Байронъ на лирѣ, а не Байронъ на дѣлѣ“, тогда ты будешь „честью и драгоцѣнностью Россіи“, а пока своими „буйными, одѣтыми прелестью поэзіи мыслями“ онъ нанесъ юношеству „вредъ неисцѣлимый“, что должно заставить его „трепетать“²⁾. „Жажду Годунова, писалъ въ 1827 г. Жуковскій Гнѣдичу; скажи ему (Пушкину) отъ меня, чтобы бросилъ дрянъ и былъ просто великимъ поэтомъ, славою и благодѣяніемъ для Россіи—это ему возможно“.

Такъ звали когда-то и Жуковскаго его друзья къ „возвышенной поэзіи“, къ превосходному, великому, но умыселъ былъ другой, не слышно было и тѣхъ мотивовъ, въ которыхъ расписался самъ Жуковскій: „Извини эти строки изъ катихизиса“.

1) Критическія замѣтки 1830—1-хъ годовъ.

2) См. Русскій Архивъ 1889 г. № 9: Письма Жуковскаго къ Пушкину 1 іюня 1823 г., осенью 1824 г., 9 августа и 23 сентября 1825 г. и 12 апрѣля 1826 г. См. письмо Пушкина къ Жуковскому май—іюнь 1825 года.

Когда въ 1831—2 годахъ Жуковскій и Пушкинъ сходились въ салонѣ Россетти-Смирновой, она записала впечатлѣніе ихъ встрѣчъ: какъ Жуковскій гордился и любовался Пушкиннымъ, смотрѣлъ на него „съ нѣжностью“, наслаждался всѣмъ, „что говоритъ его фениксъ. Есть что-то трогательное, отеческое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, братское въ его привязанности къ Пушкину, а въ чувствѣ Пушкина къ Жуковскому — отгѣнокъ уваженія даже въ тонѣ его голоса, когда онъ ему отвѣчаетъ“. Однажды Пушкинъ прочелъ Жуковскому свое переложеніе молитвы Ефрема Сирина, и тотъ въ восторгѣ поцѣловалъ его: „Ты, ты — мое неоцѣненное сокровище!“ И Пушкинъ исповѣдывается Смирновой: „всякій разъ, какъ мнѣ придетъ дурная мысль, я вспоминаю о немъ (Жуковскомъ) и спрашиваю себя: что сказалъ бы Жуковскій? И это возвращаетъ меня на прямой путь“¹⁾.

Было ли то благоговѣйное преклоненіе, или та духовная или сердечная близость, когда душа всецѣло раскрываетъ передъ другой завѣтъ своихъ думъ, отдаваясь ея пониманію и вліянію?

По смерти Пушкина Жуковскому вмѣстѣ съ Дубельтомъ поручень былъ разборъ его писемъ и бумагъ. О результатахъ разбора Дубельтъ донесъ Бенкендорфу, которому, съ своей стороны, Жуковскій написалъ объяснительную записку. Она сохранилась въ двухъ черновикахъ, изъ которыхъ одинъ представляетъ распространеніе другого; оба, повидимому, безъ конца²⁾; не потому-ли, что письмо и не было доставлено по назначенію, какъ тѣ мысли, которыя Жуковскій записалъ на клочкѣ бумаги послѣ своего объясненія съ государемъ по дѣлу Тургенева?³⁾. Письмо — апологія Пушкина и, вмѣстѣ, близко стоявшихъ къ нему лицъ, Жуковского. Въ пушкинскихъ бумагахъ ожидали найти „много новаго, писаннаго въ духѣ враждебномъ правительству и вреднаго нравственности. Вмѣсто того нашлись бумаги, рѣшительно доказывающія со всѣмъ иной образъ мыслей, особенно выразившійся въ отвѣтѣ на печатное

1) Записки Смирновой I стр. 219, 279, 321.

2) Оба черновика, нынѣ въ коллекціи А. Θ. Онѣгина, будутъ напечатаны въ изданіяхъ 2-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ. Далѣе я пользуюсь подробной редакціей, кое-гдѣ указывая въ прямыхъ скобкахъ на нѣкоторыя подробности кратко.

3) См. выше стр. 365—6

письмо къ Чаадаеву, которое Пушкинъ, повидимому, хотѣлъ послать не по почтѣ, но не послалъ, вѣроятно, по той причинѣ, что не желалъ своими опроверженіями усиливать скорбь пріятеля, уже испытавшаго заслуженный гнѣвъ государя ¹⁾. Однимъ словомъ, новаго предосудительнаго не наплось ничего, и не могло быть найдено, въ чемъ я напередъ былъ увѣренъ, зная, каковъ былъ образъ, мыслей Пушкина въ послѣдніе годы“. Съ тѣхъ поръ, какъ „Государь такъ великодушно его присвсилъ“, Пушкинъ совсѣмъ перемѣнился; за это время онъ не написалъ ничего „злонамѣреннѣе“ стиховъ „къ Лукуллу“, за которые друзья жестоко его укоряли; да и тѣ напечатаны „съ одобренія цензуры, но безъ его вѣдома“. А между тѣмъ въ теченіе послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ онъ продолжалъ состоять подъ тѣмъ-же „мучительнымъ, непрестаннымъ надзоромъ“ (двойная цензура, запретъ ѣхать въ деревню, за границу; выговоръ за чтеніе въ обществѣ Бориса Годунова до цензурнаго одобренія). Пушкинъ никогда не былъ демагогическимъ писателемъ: были у него до 1826 года „грѣхи молодости, сначала необузданной, потомъ раздраженной заслуженнымъ несчастіемъ [„Ода къ свободѣ“; „Кинжалъ“ 1820 года, написанный въ то время, когда Зандъ убилъ Коцебу], но демагогическаго, написаннаго съ точнымъ намѣреніемъ произвести волненіе (общества), ничего не было между ними и тогда. Заговорщики противъ Александра (воспользовались?), можетъ быть, нѣкоторыми вольными стихами Пушкина, но въ ихъ смыслѣ (то есть въ смыслѣ бунта) онъ не написалъ ничего и замыслы ихъ были ему совершенно чужды. Это однако не помѣшало (безъ всякихъ доказательствъ) причислить его къ героямъ 14-го декабря и назвать злоумышлен-

1) Письмо Пушкина къ Чаадаеву напечатано было впервые въ Русскомъ Архивѣ 1884 г. № 4, стр. 453—5. Изъ записки Жуковскаго къ Бенкендорфу оказывается, что Чаадаеву оно не было послано, и это подтверждается письмомъ Чаадаева къ Жуковскому съ просьбой прислать ему, по возможности, письмо Пушкина — уже по смерти поэта (см. Русская Старина 1903 г. октябрь, стр. 165—6). И такъ: Бенкендорфъ зналъ о существованіи письма, но оно не было ему доставлено вмѣстѣ съ другими наличными, ибо нашлось въ бумагахъ Жуковскаго. Пушкинъ, сообщаетъ Жуковскій, не послалъ Чаадаеву письма, чтобы своими опроверженіями „не усиливать скорбь пріятеля, уже испытавшаго заслуженный гнѣвъ государя“. „Воронъ ворону глаза не выклюетъ — шотландская половица, приведенная Вальтеръ Скоттомъ въ Woodstock“, приписалъ Пушкинъ на послѣдней страницѣ письма.

никомъ на жизнь Александра⁴. За послѣднія его сочиненія его „никакъ нельзя назвать демагогомъ. Онъ просто русскій національный поэтъ, выразившій въ лучшихъ стихахъ своихъ наилучшимъ образомъ все то, что дорого русскому сердцу“ [Годуновъ, Полтава, многія пѣсни на Петра Великаго, Ода на взятіе Варшавы, Клеветникамъ Россіи].—Переходя къ политическимъ взглядамъ Пушкина, Жуковскій спрашиваетъ Бенкендорфа: „благоволили ли вы взять на себя трудъ когда-нибудь съ нимъ говорить о предметахъ политическихъ?“ Вы слышали о нихъ отъ другихъ, „вмѣсто оригинала вы принуждены довольствоваться переводами, всегда невѣрными и весьма часто испорченными, злонамѣренныхъ переводчиковъ“. И Жуковскій излагаетъ политическое сгедо Пушкина: „*Первое*: Я уже не одинъ разъ слышалъ, что Пушкинъ въ государѣ любитъ одного (Николая) своего благотворителя, а не русскаго императора, и что ему для Россіи надобно было совсѣмъ иное. Увѣряю васъ, напротивъ, что Пушкинъ (здѣсь говорится о томъ, что онъ былъ за послѣдніе годы) рѣшительно убѣжденъ въ необходимости для Россіи чистаго, неограниченнаго самодержавія, и это не по одной любви къ нынѣшнему Государю, а по своей внутренней вѣрѣ, основанной на фактахъ историческихъ (этому теперь есть и письменное свидѣтельство въ его собственноручномъ письмѣ къ Чаадаеву ¹). *Второе*: Пушкинъ былъ рѣшительнымъ противникомъ свободы книгопечатанія и въ этомъ онъ даже доходилъ до излишества, ибо полагалъ, что свобода книгопечатанія вредна и въ Англіи. Разумѣется, что онъ въ то-же время утверждалъ, что цензура должна быть строга, но безпристрастна, и что она, служа защитой обществу отъ писателей, должна также и писателя защищать отъ всякаго произвола ²). *Третье*:

1) „Хотя я лично сердечно привязанъ къ императору, но я далеко не всѣмъ восторгаюсь, что вижу вокругъ себя; какъ писатель — я раздраженъ, какъ человѣкъ съ предрасудками—я оскорбленъ. Но клянусь вамъ честью, что ни за что на свѣтѣ я не захотѣлъ бы перемѣнить отечества, ни имѣть другой исторіи, какъ исторію нашихъ предковъ, такую, какъ намъ Богъ послалъ“ (изъ письма къ Чаадаеву).

2) См. защиту Пушкинымъ цензуры въ „Мысляхъ на дорогѣ“ Х. Торжекъ. (1836): мысль должна быть свободна „въ предѣлахъ закона, при полномъ соблюденіи условій, налагаемыхъ обществомъ . . . законы противу злоупотребленій книгопечатанія не достигаютъ цѣли закона: не предупреждаютъ зла, рѣдко его пресѣкая. Одна цензура можетъ искоренить то и другое“.

Пушкинъ былъ врагъ Іюльской революціи. По убѣжденію своему онъ былъ карлистъ; онъ признавалъ короля Филиппа необходимымъ для спокойствія Европы, но права его опровергалъ и незыблемость законнаго наслѣдія короны считалъ главнѣйшею опорою гражданскаго порядка. Наконецъ, *четвертое*: Онъ былъ самый жаркій врагъ революціи польской и въ этомъ отношеніи, какъ русскій, былъ почти фанатикъ [„былъ почти фанатическій врагъ польской революціи и ненавидѣлъ революцію французскую, чему доказательство нашелъ я еще недавно въ письмахъ его женѣ“].—Таковы были главныя политическія убѣжденія Пушкина, изъ коихъ всѣ другія выходили, какъ отрасли. *Они были извѣстны мнѣ и всѣмъ его ближнимъ изъ нашихъ частяхъ, непринужденныхъ разговоровъ.... И они были таковы уже прежде 1830 года*“. Пушкинъ созрѣлъ, мужалъ умомъ, онъ только что достигъ своего полнаго поэтическаго развитія (его литературные враги, а за ними публика, говорили, что онъ упалъ—и это въ то время, когда написаны его лучшія произведенія), и что бы онъ не написалъ, еслибъ несчастныя обстоятельства всякаго рода не упали на него обваломъ, не раздавили его, „перваго поэта Россіи!“

Цѣнность этого документа опредѣляется его назначеніемъ: онъ писанъ для Бенкендорфа, въ оправданіе Пушкина, въ интересахъ его семьи, въ защиту всѣхъ, кто близко стоялъ къ нему. Въ этомъ смыслѣ характеристику легко заподозрить въ преднамѣренномъ шаржѣ, но, не касаясь оцѣнки взглядовъ самого Пушкина, я допускаю и бессознательный, невольный шаржъ—идеализаціи, къ чему, какъ никто, способенъ былъ Жуковскій. Эта черта давно и хорошо извѣстна его пріятелямъ ¹⁾: все, что входило въ кругъ его симпатій, выросло или поэтизировалось въ его мѣреку. Жуковскій *зналъ* своего Пушкина, который, казалось, зрѣлъ въ его глазахъ къ тѣмъ цѣлямъ общественнаго служенія и возвышенной поэзіи, которыя онъ ему ставилъ. Эти цѣли выяснились для Жуковскаго изъ того ограниченнаго круга идей, въ которыхъ онъ выросъ и созрѣлъ и которыя начинаетъ приводить въ систему. Мы видѣли, какъ онъ упорядочилъ свои общественныя взгляды ²⁾,—ими онъ мѣритъ Пушкина; и въ области духовно-нравственныхъ вопро-

1) См. выше стр. 298, 308, 308.

2) См. выше стр. 370 слѣд.

совѣ, волновавшихъ его со времени его юношескаго дневника, онъ пытается разобраться, привести ихъ къ органической цѣльности. Они окончательно опредѣляютъ какъ его взглядъ на возвышенную поэзію-религію, такъ и его отрицательное отношеніе къ Онѣгинымъ, Печоринимъ и къ теченіямъ русской литературы, современной послѣдней порѣ его дѣятельности.

2.

Для него эти вопросы — были вопросами самоопредѣленія; онъ не устаетъ подходить къ нимъ то съ той, то съ другой стороны, точно хочетъ успокоиться, выразивъ для себя „невыразимое“, уяснить себя „здѣсь“ таинственное „тамъ“. Въ этомъ исканіи чувствуется какая то тревога. Смолода онъ старался воспитать въ себѣ вѣру (сл. его дневникъ 1805 г.), твердить о томъ въ письмахъ 1814—15-хъ годовъ; „я еще могу имѣть религію“, записалъ онъ въ своей берлинской замѣткѣ 1820 г. Николай Тургеневъ читаетъ Библию: „слава Спасителю! пишетъ Жуковский его брату. Онъ явился во время. Познакомься и ты съ Нимъ поближе. Онъ скажетъ и дастъ тебѣ то, чего никто на землѣ не даетъ и не скажетъ: смиреніе и нетревожимость. Я не говорю это, я такъ думаю теперь. Я этому вѣрю и хочу вѣрить“¹⁾. *C'est le poète de la passion*, давно сказалъ о немъ кн. Вяземскій²⁾; теперь благодать страданія займетъ особое мѣсто въ міросозерцаніи поэта, такъ долго служившаго задумчивой музѣ меланхолиі: „земная жизнь—страданія питомецъ“, страданія возвышаютъ душу, и когда „въ величіи покорной тишины она молчитъ предъ грознымъ испытаньемъ“, тогда „вся Промысла ей видима дорога, она полна понятнаго ей Бога“ (На кончину королевы Виртембергской 1819 г.). „*Le grandes idées viennent du coeur.... frappé par une grande perte*“, писалъ онъ въ 1826 г. вдовѣ Карамзина³⁾. „Страданіе—творецъ великаго, повторяетъ онъ въ 1831 г. („Взглядъ съ земли на небо“): оно знакомитъ насъ съ тѣмъ, чего мы никогда въ безмятежномъ нашемъ блаженствѣ не узнаемъ: съ таинственнымъ вдохновеніемъ вѣры, съ утѣхою надежды, съ сладостнымъ упоеніемъ любви“. „Стра-

1) 1 ноября 1827 г. Сл. дневникъ 14 апрѣля того же года.

2) Сл. выше стр. 299.

3) Сл. выше стр. 339.

даніемъ душа поэта зрѣеть, Страданіе — святая благодать⁴.
(Камозансь 1839 г.).

Чѣмъ дальше, тѣмъ чаще слышится въ его письмахъ ободряющій себя крикъ сердца: вѣрить, вѣрить, вѣрить! „Мы на землѣ только для вѣры.... Я это знаю...., но знать однимъ убѣжденіемъ мысли, и быть на дѣлѣ тѣмъ, что ясно постигаеть мысль, великая разница. И я еще не достигъ до этой высоты“¹). „Я знаю, что нѣтъ ничего выше вѣры и молитвы, знаю, что это высшее сокровище души человѣческой, за которое должно отдать всякое другое, — знаю, и во мнѣ нѣтъ того, что я считаю лучшимъ, желаннѣйшимъ, свѣтлѣйшимъ. Но будетъ-ли когда? Въ святилищѣ семейной жизни стоитъ сосудъ причащенія жизни вѣчной. Дѣти мои и жена его мнѣ подадутъ“²).

Онъ занимается переводомъ на русскій языкъ Евангелія³), читаетъ Фенелона и мистика Таулера⁴), увлеченъ книгой Стурдзы⁵), записками пастора Розенштрауха⁶), переписывается о религіозныхъ предметахъ съ Гоголемъ, переживавшемъ тогда тяжелый душевный кризисъ, съ Смирновой, впавшей въ благочестіе. Піэтизмъ Жуковскаго — печать чувствительности; въ немъ и не произошло перелома, а лишь обостреніе; его окружали теперь піэтисты, вѣрующіе, лютеране и католики, Рейтерны, Радовиць, Штольберги⁷); онъ обсуждаетъ, взвѣшиваетъ, но не сдается, стоитъ на своемъ и жаждетъ непосредственной вѣры капитана Боппа,

Которая отъ Бога къ намъ на вопль
Молящаго раскаянья нисходитъ (1843 г.)⁸),

1) Къ государынѣ 1842 г., мартъ.

2) Дневникъ 1842 г. 12 ноября.

3) Тамъ же 1844 г.: переведены всѣ четыре Евангелія, Дѣянія Апостольскія и Апокалипсисъ. Сл. письма къ Плетневу 6 марта 1850 г., къ Стурдзѣ марта 1850 г. (Русская Старина 1902 г., июнь, стр. 582), Плетневъ Грогу 22 сентября 1848 г. „Новый Завѣтъ Господа нашего Иисуса Христа“ въ переводѣ Жуковскаго изданъ въ Берлинѣ въ 1895 году.

4) Дневникъ 1843 г. 1 генваря.

5) Сл. письмо къ Сѣверину 10 апрѣля н. ст. 1846 г., Русская Старина 1902 г., апрѣль, стр. 168 слѣд.

6) Плетневъ къ Жуковскому 2 іюня 1846 г.

7) Записки А. О. Смирновой. Сѣверный Вѣстникъ 1897 г., № 1, стр. 189 (1844 г.), Зейдлицъ I. с. стр. 247.

8) Онъ прочиталъ эту повѣсть въ прозѣ и попробовалъ пересказать ее — для дѣтей. „Свѣжему, молодому сердцу такого рода впечатлѣнія мо-

хочетъ разстаться съ своимъ прошлымъ и, отобравъ всю шелуху, выбрать изъ него только то, что достойно сохраненія, если такое найдется ¹⁾).

„Минута христіанства для насъ наступила, для тебя и для меня. И наступила для обоихъ поздно, пишетъ онъ Тургеневу. Мы оба растратили множество жизни по пустякамъ.... Что тебѣ осталось отъ твоей бѣготни по лекціямъ, по проповѣдямъ по салонамъ и прочее? Что ты узналъ и чему вѣришь? Я менѣе тебя извинителенъ: я не имѣлъ твоей разсѣянной, увлекательной жизни; я киснулъ въ своемъ углу и въ небольшомъ кругѣ идей поэтическихъ“. Теперь Божій перстъ указалъ ему уголь семейный, и онъ надѣется, что проповѣдь семейной жизни воздѣйствуетъ на него; „но обратится ли этотъ смиренно-убѣжденный умъ въ жаждущее сердце, не знаю“ ²⁾).

„Моя вѣра далека отъ желаннаго мира, читаемъ въ другомъ письмѣ: дойдетъ-ли она до него въ этой жизни, не знаю, я имѣю одно только убѣжденіе, что нѣтъ ничего выше вѣры, что мы здѣсь для вѣры, а не для чего иного, что она все и въ ней все. Но это только убѣжденіе; когда же оно обратится въ жизнь и размягчитъ камень сердца“? ³⁾).

Одно время пошли слухи о переходѣ его въ католичество. отъ которыхъ пришлось защищаться ⁴⁾. Въ послѣднемъ изъ дошедшихъ до насъ дневниковъ (1846 г.) есть грустная запись: его прошедшее не представляетъ ничего утѣшительнаго для сердца; рука Господня охранила его отъ земныхъ бѣдствій, но что онъ сдѣлалъ самъ? „На дорогѣ жизни я не собралъ истиннаго сокровища для неба: душа моя безъ вѣры, безъ любви и безъ надежды, и при этомъ бѣдствіи нѣтъ въ ней той скорби, которая должна была бы наполнять ее и возбуждать ее къ по-

гутъ быть благотворны. Чѣмъ раньше въ душу войдетъ христіанство, тѣмъ вѣрнѣе и здѣшняя и будущая жизнь. Безъ христіанства же жизнь кажется мнѣ уродливою загадкой, заданною злымъ духомъ человѣческому заносчивому уму для того, чтобы хорошенько его помучить и потомъ посмѣяться надъ его самонадѣянностью,—ибо загадка безъ отгадки“ (Къ гр. Сологубу 14/20 ноября 1844 г., Русская Старина 1901 г., июль, стр. 100—1).

1) Къ наслѣднику 30 августа 1843 г.

2) 6/18 января 1844 г.

3) 1844 г., 8 ноября.

4) Къ Тургеневу 6 января 1844 г. Сл. письмо къ Цесаревичу 1 января 1844 г., Сѣверину 16 апрѣля 1846 г. (Русская Старина 1902 г., апрѣль, стр. 165).

каянiю. Окаменѣлость и разсѣянiе мною владѣють. Воля моя безсилна. Вмѣсто вѣры одно только знанiе, что вѣра есть благо верховное и что я не имѣю сего блага. Молитва моя одно мертвое разсѣянное слово, умъ безъ мысли, сердце безъ любви. Одна рука Твоя, Господь Спаситель, примиривши насъ съ Самимъ Собою, она отечески, дѣйствиємъ Твоего Святаго Духа можетъ извлечь меня изъ сей бездны: прости ко мнѣ Твою руку, посѣти мою душу Твоимъ Святымъ Духомъ“.

Онъ обобщаетъ, ставитъ формулы; и въ поискахъ за вѣрой онъ систематикъ ¹⁾: вѣра — свободный актъ воли, подчиняющiй разумъ благодати; вѣра — смиренiе разсудка и воли и ихъ уничтоженiе передъ высшимъ разумомъ и вышею волею; вѣра, будучи „здѣсь“ блаженнымъ откровенiемъ и принятиємъ невѣдомага, становится любовью, то есть, блаженнымъ созерцанiемъ — „тамъ“; „вѣра, надежда, любовь, взятая вмѣстѣ — смиренiе“ ²⁾. Когда-то онъ баюкалъ себя сентиментальными представленiями о свиданьи, любви за гробомъ; теперь, когда поздно доставшееся счастье привязало его къ землѣ и возможность утраты стала осязательнѣе, вѣрить стало потребностью. „Еще не вошелъ мнѣ въ душу миръ Божiй“ — и долго еще не войдетъ; „квартира эта еще не довольно для него очищена. Но въ ней отъ уборки и безпрестанной переборки, отъ выбрасыванiя всего ненужнаго, отъ обметанiя пыли и выметанiя сора, становится свѣтлѣе и просторнѣе... въ знанiе и убѣжденiе не влилась еще мирная жизнь вѣры“ ³⁾.

Въ эти годы его идеаломъ становится Радовицъ, съ которымъ въ 1827 году онъ сблизился въ Берлинѣ по письму Рейтерна: убѣжденный католикъ и монархистъ, „теплая, крѣпкая душа“, съ „высокими, непрозаическими мыслями“, не лишенными „излишества“, но явленiе радостное въ современномъ об-

1) „Добрый нашъ Жуковскiй! Онъ все любитъ подводить подъ систему“, писала Зонтагъ Плетневу по поводу письма къ ней Жуковскаго, который, обобщая свой тяжелый жизненный опытъ, говорилъ о четырехъ классахъ жизненной школы: 1) признанiе воли Божiей, 2) смиренiе въ признанiи, 3) покой въ смиренiи, довѣренность; наконецъ, 4) чувство благодарности и живая любовь къ Учителю. Онъ, Жуковскiй, еще въ первомъ классѣ. Сл. Жуковскiй къ Плетневу 3/15 февраля 1850 г. и Плетневъ къ нему 28 марта того же года.

2) Разсужденiя и размышленiя 1846—7 гг.

3) Къ А. О. Смирновой 23 февраля 1847 г.

щественномъ хаосѣ, „когда все возвышающее душу засыпано земнымъ соромъ“; человекъ aus einem Guss, у котораго „все подведено подъ одну мысль, все подведено подъ христіанство“, и вся жизнь была слѣдствіемъ „его убѣжденій и вѣры“¹⁾. Радовицу, котораго Ал. Тургеневъ звалъ „кривотолкомъ“, Жуковскій посвятилъ обширную апологію²⁾; но его главнымъ духовнымъ руководителемъ становится теперь Стурдза, его знакомый съ 1817 года, зять любезнаго ему „человѣка Божія“, Гуффеланда³⁾. Пушкинъ шутилъ на Стурдзой „библическимъ“, „монархическимъ“, для Жуковского онъ „нашъ Платонъ христіанскій“⁴⁾, строгій блюститель православія, предъ богословскою мудростію котораго онъ преклонялся, у котораго искалъ поученія и духовной опоры. Еще въ 1829 году Стурдза рекомендовалъ ему свой Энхейридїонъ, руководство къ воспитанію въ духѣ православія, „ибо вы не мечтаете о воспитаніи, а занимаетесь имъ“⁵⁾; въ 1835 г. онъ указывалъ на нѣсколько книгъ, „которыя Его Высочество особливо могъ бы прочесть съ великою пользою для ума и сердца“, между ними „Жизнь св. апостола Павла“ и „Страстная седмица“ архимандрита Иннокентія⁶⁾. И позже онъ продолжаетъ снабжать Жуковского указаниями на текущую литературу по духовно-нравственнымъ и церковнымъ вопросамъ, особенно на русскую, отъ которой Жуковскій, живя за границей, отсталъ; посылаетъ ему и собственные творенія⁷⁾. На эти темы завязалась переписка.

Хотѣлось бы побесѣдовать съ Вами, пишетъ ему Жуковскій въ мартѣ 1850 г., „бесѣдовать о такомъ предметѣ, который теперь для насъ обоихъ есть главный въ жизни, *который для васъ всегда стоялъ на первомъ ея планѣ, а для меня такъ ярко отразился на ея радужномъ туманѣ весьма недавно*, только тогда, когда я вошелъ въ уединенное святилище семейной жизни.

1) Къ Ал. Тургеневу 1833 г. 15/27 января и 1844 г. 6/18 января.

2) „Іосифъ Радовицъ“ 1850 г.

3) Выраженіе Стурдзы въ письмѣ къ Жуковскому 14 іюня 1835 г. Русская Старина, 1903 г., май, стр. 400.

4) Къ Сѣверину 3 декабря 1849 г.

5) Письмо 7 октября 1829 г., Русская Старина тамъ-же, стр. 397—8. Энхейридїонъ напечатанъ былъ въ 1830 г. въ переводѣ С. Ю. Дестуниса подъ заглавіемъ „Ручная книга православнаго христіанина“.

6) Письмо 14 іюня 1835 г., тамъ-же, стр. 398 слѣд.

7) См. тамъ-же, стр. 405 слѣд., письма 1840—50-хъ гг.

Этот чистый свѣтъ, свѣтъ христіанства, который всегда мнѣ былъ по сердцу, былъ завѣшенъ передо мною прозрачною завѣсою жизни; онъ проникалъ сквозь эту завѣсу, и глаза его видѣли, но все былъ завѣшенъ, и вниманіе болѣе останавливалось на тѣхъ поэтическихъ образахъ, которые украшали завѣсу, нежели на томъ свѣтѣ, который одинъ давалъ имъ видимость, но ими же и былъ заслоненъ отъ души, разсѣянной ихъ поэтической прелестью. Вотъ вамъ моя полуисповѣдь; цѣлой исповѣди не посылаю: на это не имѣю времени, да издали она будетъ и бесполезна. Если бы мы были вмѣстѣ, многое изъ этой исповѣди васъ бы удивило; въ душѣ человѣческой много непостижимыхъ загадокъ, и никто не разгадаетъ ихъ, кромѣ самого Создателя души нашей“. Прочитавъ давнипнее сочиненіе Стурдзы ¹⁾, Жуковский сѣтуетъ, что у православныхъ нѣтъ такого богатства христіанской литературы, какъ у католиковъ и протестантовъ; въ особенности у послѣднихъ есть много чудно-прекраснаго, „хотя они все строятъ, не имѣя никакой базы, но въ убѣжденіи, что имѣютъ самую лучшую. Имъ и въ голову не приходитъ, что въ христіанствѣ право *freier Forschung* такъ же уничтожаетъ всякую возможность имѣть неподсудимый авторитетъ, или, что все равно, церковь, какъ въ политическомъ мѣрѣ уродливая база народнаго самодержавія (*souveraineté du peuple*) уничтожаетъ всякую возможность общественнаго порядка“. Несмотря на это, чтеніе иныхъ протестантскихъ сочиненій для него тѣмъ „назидательнѣе и убѣдительнѣе“, что все истинное онъ переноситъ съ ихъ базы на свою твердую, „на базу православія“ ²⁾.

Исканіе непосредственной вѣры продолжаетъ томить Жуковского и далѣе. „Я постигаю, если не живую вѣрою (она есть даяніе свыше), то глубокимъ убѣжденіемъ“, „мое убѣжденіе еще не есть этотъ внутренній миръ, производимый живую вѣрою; я вижу, въ чемъ состоитъ верховное единственное благо жизни, но я слишкомъ поздно началъ это видѣть; жизнь моя прошла

1) *Considérations sur la doctrine et l'esprit de l'Église orthodoxe. Par Alexandre Stourdza. Weimar. 1816.*

2) Русская Старина 1902 г., июнь. Часть этого письма была приведена Стурдзой въ его статьѣ: Для памяти В. А. Жуковскаго и Н. В. Гоголя, „Москвитянинъ“, 1852 г. № 20, кн. 2, стр. 218 слѣд. Отвѣтное письмо Стурдзы въ Русской Старинѣ 1903 г., май, стр. 414—15.

въ произвольномъ, бѣдственномъ невниманіи къ святѣйшему, и поздніе годы ея отзываются ничтожностію молодыхъ; жизнь моя прошла безъ тѣхъ сильныхъ ударовъ, которые потрясають душу, ее расталкивають и вырываютъ ее изъ того самодовольнаго сна, въ которомъ лелѣють ее поэтическія сновидѣнія¹⁾. „Въ твоей душѣ съ перваго дѣтства живетъ вѣра“, пишетъ онъ графинѣ С. М. Сологубъ...; я этой свѣжести сердца не имѣю. Во мнѣ одно полное убѣжденіе и неотрицаніе. Такая вѣра, какая твоя *теперь* и какою со временемъ *будетъ*, есть награда за покорное страданіе²⁾. Идеаломъ становится долгъ, превращенный въ жизни „въ смиренную покорность Спасителю“³⁾.

Задумчивая муза меланхолии, такъ долго питавшая поэзію Жуковскаго, теперь отринута: она присуща была языческому міросозерцанію, сквозитъ въ его жизнерадостности, и не христіанство ввело ее въ новую поэзію, какъ полагала M-me de Staël: христіанству присуща скорбь, неотъемлемое чувство души, сознающей свое паденіе и чающей вступить въ первобытное величіе; меланхолія водворилась у насъ не съ христіанствомъ, а по его распространенію—и съ его отрицаніемъ. „Романтикъ“—христіанинъ лишь по своей эпохѣ, не по образу мыслей и чувствованій; чѣмъ болѣе его душа обогатилась сокровищами христіанскаго откровенія, тѣмъ сильнѣе она ощущаетъ противорѣчія окружающаго міра, и въ немъ рождается новая психологія байроновскаго скептицизма, либо меланхолія — „лѣтняя нѣга“, „грустная роскошь, мало по малу изнуряющая и наконецъ губящая душу“⁴⁾.

Какое значеніе получить въ этомъ міросозерцаніи поэзія?

Что такое истинная поэзія? Жуковскій отвѣтилъ на это въ письмѣ къ Козлову (1833 г.)⁵⁾; въ (неизданномъ) письмѣ къ государынѣ 1840 г. онъ говоритъ о силѣ музыки, перенесшей

1) Къ графинѣ Соф. Мих. Сологубъ 24 іюля 1850 г. Сл. „О В. А. Жуковскомъ“, рѣчь, произнесенная въ Имп. Дерптскомъ университетѣ 29 января 1883 г. орд. проф. П. А. Висковатовымъ, Журн. Мин. Нар. Просв. 1883 г., мартъ, ч. ССХХVI, отд. 4, стр. 17 слѣд.

2) 22 сентября 1850 г., тамъ-же, стр. 21.

3) Къ Перовскому 1851 г., июнь, Баденъ.

4) „О меланхолии въ жизни и поэзи“ 1845 г.; сл. письмо къ Кирѣевскому 1844 г.

5) Сл. выше, стр. 327.

его изъ настоящаго въ область воспоминаній—и переходитъ къ поэзіи: когда онъ очнулся отъ очарованія звуковъ, вокругъ него былъ тогда другой міръ: „онъ мнѣ не чуждъ, и я ему не чужой, но онъ какъ будто не имѣетъ будущаго, глаза болѣе обращаются назадъ, а то, что впереди, какъ будто стоитъ уже за границею жизни, какъ будто задернуто занавѣсомъ. *Поэзія не измѣнила, но она перемѣнила одежду. Она не обманъ, напротивъ, она верховная правда жизни, но въ первый, свѣжій мѣта жизни она сливается со вѣмъ, что насъ окружаетъ. Позже она становится съ одной стороны воспоминаніемъ, съ другой вѣрою*; въ промежуткѣ же между этими двумя образами опустѣвшая сцена жизни; видишь вблизи декораціи, кулисы, машины и веревки. Хотя прямой картины нѣтъ, но ея дѣйствіе все было истинное. А въ жизни вѣрно только одно, прошедшее, ибо оно неизмѣнно; вѣрное же будущее принадлежитъ къ другому разряду“.

Въ письмѣ къ Смирновой (23 февраля 1847 г.) проводится какъ будто иной взглядъ: Жуковскій говоритъ о призракѣ „поэзіи, которая насъ часто гибельнымъ образомъ обманываетъ на счетъ насъ самихъ, и часто, часто мы ея свѣтлую радугу, привидѣніе ничтожное и быстро исчезающее, принимаемъ за твердый мостъ, ведущій съ земли на небо. Подъ старость я не рассорился съ поэзіей, но не въ ней правда; она только земная, блестящая риза правды“¹⁾. — Но противорѣчіе только кажущееся: за поэзіей стоитъ другое, незыблемое — откровеніе вѣры. Въ письмѣ къ Гоголю 1848 г. прежнее возрѣніе возникаетъ снова, піетистическое, какъ встарь, но серьезно передуманное. Вторая, отрицательная часть письма повторяетъ обвиненія новѣйшей литературы (особенно французской) посланія къ Стурдзѣ (29 мая 1835 г.)²⁾, вызваннаго чтеніемъ его „Письма опытнаго романтика къ новичку, выступающему на поприщѣ модной словесности“³⁾. Жуковскій уже тогда раздѣлялъ возрѣнія автора на безнравственность современныхъ писателей, на ихъ равнодушіе къ добру и злу, на отсутствіе идеаловъ прекраснаго, вѣры въ Бога; исключеніемъ выстав-

1) Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 533.

2) Сл. Русская Старина 1902 г., май, стр. 387—9.

3) Литературныя прибавленія къ Одесскому Вѣстнику 1883 г.; то-же въ Сѣвѣрной Пчелѣ 1835 г. №№ 123 и 124.

лялся Вальтеръ Скоттъ 1). Въ одномъ Жуковскій напелъ возможнымъ попрекнуть Стурдзу: онъ написалъ о томъ, „чего быть не должно“ въ литературѣ, слѣдовало бы показать столь же сильно, „что быть должно“, и въ то же время опредѣлить истинный характеръ романтизма, который не иное что, какъ историческое понятіе 2).

Поставимъ вмѣсто литературы — поэзію, и мы найдемъ въ

1) Не излишне познакомиться съ содержаніемъ письма Стурдзы для освѣщенія симпатій Жуковскаго: это тотъ же набатъ, только болѣе оглушительный. Стурдза выдѣляетъ романтиковъ, шедшихъ по слѣдамъ Гомера, Шекспира, Мильтона, Кальдерона, Клопштока, Шиллера, т. е. тѣхъ, которые были вдохновенными представителями „чего-либо прекраснаго, до установленія правилъ созданнаго самородными геніями: вотъ настоящее опредѣленіе романтическаго періода во всякой народной и въ всемирной литературѣ“ (сл. въ отвѣтъ Жуковскаго: романтизмъ, какъ историческое понятіе). Но есть другого рода романтики, личину которыхъ надѣваетъ Стурдза, чтобы наставить новичка. Ихъ программа: ничему не удивляться, ибо удивленіе — признакъ слабаго ума и ведетъ къ рабскому благоговѣнію; презирать все, что когда либо боготворили, и боготворить „всѣ гнусные порывы строптиваго своевольства“; въ литературѣ отречься отъ Гомера, Аристотеля, Виргилія, Расина и читать Гюго, Матюрена, Бальзака, Дюмаса, Гофмана, Жанена и Завда. Литературное преданіе симметріи, подражанія, единства, засорило дѣвственные, самостоятельные органы мозга; стоитъ сбросить эти вериги, и неподдѣльное вдохновеніе вспыхнетъ, явится и новое содержаніе „Мы, въ совокупности, не что иное, какъ одушевленный набатъ всеобщаго мятежа, расстройства и безначалія въ родѣ человѣческомъ; мы, посредствомъ неистовой поэзіи, площаднаго витійства, прозаической живописи и бѣснующейся музыки, отражаемъ бытъ народовъ современныхъ, тщательно растравляемъ раны, нанесенныя обществу буйствомъ страстей безбожныхъ; мы смѣшали, изуродовали всѣ роды изящнаго, потому что въ наше время все смѣшалось въ отношеніяхъ сословій, властей, преданій, вѣръ и законовъ: мы во всѣхъ странахъ Европы умножили число самоубійствъ, потому что намъ суждено приготовить и нѣкогда отпѣть общее, духовное и политическое самоубійство народовъ сильнѣйшихъ . . . Романтизмъ служитъ только рычагомъ всеобщаго движенія. Точка опоранія и движущая нами рука давно возникли изъ хаоса безбожія“.

2) Въ отвѣтномъ письмѣ 14 іюня 1835 года на указанное выше письмо Жуковскаго Стурдза утѣшается тѣмъ, что „даже въ бѣснующейся Франціи, подлѣ Гюго, Жанена, Дюканжа, Дюмаса и имъ подобныхъ, являются Lamartine, S-te Beuve, Drouineau, Silvio Pellico, юные провозвѣстники воскресающаго христіанства. О Германіи теперь говорить нечего. Она вздумала умничать, и читающая въ ней публика, отменяясь истинной славой народной, восхищается твореніями Берна и Гейна“ (Русская Старица 1903 г., май, стр. 398 слѣд.).

первой, положительной части письма къ Гоголю отвѣтъ на вопросъ: что быть должно. Объясняя выраженіе Пушкина: слова поэта суть дѣла его (приведенныя Гоголемъ въ его статьѣ „О существѣ русской поэзіи“), Жуковскій отличаетъ несвободный умъ отъ относительно свободной воли, связанной нравственнымъ закономъ, и между ней и вѣрой, т. е. способностью принимать божественное откровеніе, ставить творчество. „Дѣйствія этой способности не слѣдуютъ никакому чуждому побужденію, а непосредственно изъ души истекаютъ,—въ ней наиболѣе выражается божественность происхожденія души человѣческой, котораго признакъ есть сіе стремленіе творить изъ себя, себя выражать въ своемъ созданіи безъ всякаго посторонняго повода, по одному только вдохновенію, которое не есть ни умъ, ни воля, но то и другое, соединенное съ чѣмъ то самобытнымъ, такъ сказать, свыше, безъ вѣдома нашего на насъ налетающимъ, другому, высшему порядку принадлежащимъ“. Приведя знакомую намъ замѣтку къ Лалла-Руекъ о прекрасномъ, котораго нѣтъ въ окружающемъ насъ вещественномъ мірѣ¹⁾, и развивая идеи своей статьи „Объ изящномъ искусствѣ“ (1846 г.), Жуковскій указываетъ на способность нашей души находить въ вещественности это прекрасное, побуждающее насъ къ творчеству. „Душа бесѣдуетъ съ созданіемъ, и созданіе ей откликается. Но что-же этотъ отзывъ созданія?.... Всѣ мелкія, разрозненныя черты видимаго міра сливаются въ одно гармоническое цѣлое, въ одинъ самъ по себѣ не существенный, но ясно душею нашею видимый образъ. Что-же этотъ несущественный образъ? Красота. Что-же красота? Ощущеніе и слышаніе душею Бога въ созданіи. И въ ней, истекшей отъ Бога, живетъ стремленіе творить по образу и подобию Творца своего, то есть влгать самое себя въ свое созданіе“. Но Создатель всего извлекъ это все изъ самого себя, человѣкъ творитъ заимствованными изъ созданія средствами, повторяя то, что Богъ создалъ своею всемогущею волею. „Сей произвольный актъ творенія есть возвышенная жизнь души; цѣлью его можетъ быть не иное что какъ осуществленіе того прекраснаго, котораго тайну душа открываетъ въ твореніи Бога и которое стремится явно выразить въ твореніи собственномъ. Сіе ощущеніе и выраженіе прекраснаго, сіе пересозданіе своими средствами созданія Бо-

1) См. выше стр. 257—8.

жия есть художество. Что-же такое художникъ? Творецъ; и цѣль его не иное что, какъ самое это твореніе, свободное, вдохновенное, ни съ какимъ постороннимъ видомъ не соединенное. Въ чемъ состоитъ актъ творенія? Въ осуществленіи идеи Творца⁴; художникъ долженъ выразить „не одну собственную, человѣческую идею, не одну свою душу, но въ ней и идею Создателя, духъ Божій, все создающее проникающій“. Поэзія теперь не добродѣтель, изящное не тождественно съ моральной красотой¹); она, „дѣйствуя на душу, не даетъ ей ничего опредѣленнаго: это не есть ни приобрѣтеніе какой нибудь новой, логически обработанной идеи, ни возбужденіе нравственнаго чувства, ни его утвержденіе положительнымъ правиломъ; нѣтъ, это есть тайное, всеобъемлющее, глубокое дѣйствіе откровенной красоты, которая всю душу обхватываетъ и въ ней оставляетъ слѣды неизгладимые, благотворные или разрушительные, смотря по свойству самого.... художника. Если таково дѣйствіе поэзіи, то сила производить его, данная поэту, должна быть не иное что, какъ призваніе отъ Бога, есть, такъ сказать, вызовъ отъ Создателя вступить съ Нимъ въ товарищество созданія. Творецъ вложилъ свой духъ въ твореніе, поэтъ, его посланникъ, ищетъ, находитъ и открываетъ другимъ повсемѣстное присутствіе духа Божія“. Осуществить вполнѣ этотъ идеалъ поэта невозможно, но къ нему можно стремиться не одною только „красотою созданія“, „музыкай словъ“, а тѣмъ, что „всему этому даетъ жизнь: это есть *духъ поэта*, въ созданіи его тайно сопричастственный“. Поэтъ свободенъ въ выборѣ предмета, всякое намѣреніе произвести то или другое постороннее (нравственное, политическое) впечатлѣніе исключается—свободой поэзіи, но поэтъ не свободенъ отдѣлится отъ своего произведенія самого себя: „что онъ самъ, то будетъ и его созданіе“; если онъ чистъ душею, дѣйствіе его слова будетъ благодатно; это—его дѣло. Таковъ былъ Вальтеръ Скоттъ, чья свѣтлая, чистая, младенчески вѣрующая душа разлита въ его твореніяхъ; таковъ былъ Карамзинъ, „котораго непорочная душа прошла по землѣ, какъ ангелъ свѣта“.

Слѣдуетъ знакомая намъ характеристика титана Байрона²),

1) Сл. выше стр. 259 слѣд.

2) Сл. выше стр. 326 слѣд.

отгѣненная безпощаднымъ отрицаніемъ другого, не названнаго поэта.

„Но что сказать о.... (я не назову его, но тѣмъ для него хуже, если онъ будетъ тобою угаданъ въ моемъ изображеніи), что сказать объ этомъ хулительѣ всякой святыни, которой откровеніе такъ напрасно было ему ниспослано въ его поэтическомъ дарованіи и въ томъ чародѣйномъ могуществѣ слова, котораго, можетъ быть, ни одинъ изъ писателей Германіи не имѣлъ въ такой силѣ?“ Жуковскій, видимо, говоритъ о Гейне.— „Это уже не судьба, разрушившая бѣдствіями душу высокую и произведшая въ ней бунтъ противъ испытующаго Бога, это не падшій ангелъ свѣта, въ упоеніи гордости отрицающій то, что знаетъ и чему не можетъ не вѣрить,— это свободный собиратель и провозгласитель всего низкаго, отвратительнаго и развратнаго, это полное отсутствіе чистоты, нахальное ругательство надъ поэтической красотой и даже надъ собственнымъ дарованіемъ ее угадывать и выражать словомъ, это презрѣніе всякой святыни и циническое, безстыднодерзкое противу нея богохульство.... это вызовъ на буйство, на невѣріе, на угожденіе чувственности, на разнузданіе всѣхъ страстей, на отрицаніе всякой власти— это не падшій ангелъ свѣта, но темный демонъ, насмѣшливо являющійся въ образѣ свѣтломъ, чтобы прелестію красоты заманить насъ въ свою грязную бездну“.

Жуковскій предаетъ проклятію такое злоупотребленіе лучшихъ даровъ Создателя. Сколько непорочныхъ душъ растлила эта демоническая поэзія! Искусство— примиреніе съ жизнью, по вѣрному опредѣленію Гоголя, но современная поэзія ему не отвѣчаетъ: она вулканически-разрушительна въ корифеяхъ, матеріально плоска въ ихъ послѣдователяхъ. Нѣтъ поэзіи, которая стремилась бы душу къ высокому, идеальному, облагораживала бы жизнь, а съ другой стороны беззаботно бы съ ней играла, забавляя ее свѣтлыми видѣніями. „Такое беззаботное наслажденіе поэзіею называется теперь ребячествомъ. Меланхолическая разочарованность Байрона, столь очаровательная въ его изображеніяхъ и столь плѣняющая глубокою (хотя иногда и вымышленною) грустью поэта, истощившись въ приторныхъ подражаніяхъ, уступила мѣсто равнодушію, которое уже не презрѣніе и не богохульный бунтъ гордости (въ нихъ есть что-то поэтическое, потому что есть сила), а пошлая расслабленность души, произведенная не бурей страстей и не бѣдствіями жизни, а

просто неспособностью вѣрить, любить, постигать высокое, неспособностію предаваться какому бы то ни было очарованію“.

Надо-ли послѣ этого смотрѣть „съ уныніемъ и тревогой“ на будущее поэзіи? Нѣтъ, настоящая поэзія не изсякнетъ „и посреди судорогъ нашего времени“, еще явятся поэты, вѣрные своему призванію, — и Жуковскій приводитъ отрывокъ изъ своего подражанія „Камоэнсу“, драмѣ Гальма (1839 г.) ¹⁾, отрывокъ, въ которомъ есть и его собственныя лирическія вставки. Не счастья, не славы здѣсь ищу я, говоритъ Васко умирающему Камоэнсу,

быть хочу крыломъ могучимъ,
 Подъемлющимъ родныя мнѣ сердца
 На высоту; зарей, побѣду дня
 Предвозвѣщающей; великихъ думъ
 Воспламенителемъ, глаголомъ правды,
Лькарствомъ душъ, безвѣріемъ крушащихъ,
 И сторожемъ нетлѣнной той завѣсы,
 Которою предъ нами горній міръ
 Задержу, чтобъ порою для смертныхъ глазъ
 Ее приподымать *и святость жизни*
Являютъ во всей ея красѣ небесной—
 Вотъ долгъ поэта, вотъ мое призванье!

У Гальма нѣтъ ни „безвѣрія“, ни „святости жизни“: Perez (Васко у Жуковскаго) хотѣлъ бы быть крыломъ.

der Andre aufwärts hebt,
 Als Morgenroth des Lichtes Sieg verkünden...
Dem Rechte Klang, der Wahrheit Sprache leihen.

„Поэзія—небесной религіи сестра“, твердитъ Васко у Жуковскаго, не Perez-Васко у Гальма; „страданіемъ душа поэта звѣетъ“ вторитъ подлиннику (Denn nur verblutend reift das Dichterherz), но Жуковскій развилъ эту идею въ непоказанномъ мѣстѣ и едва-ли удачно. Камоэнсъ въ госпиталѣ, кругомъ него, въ немъ самомъ глухая ночь; вдругъ что-то спустилось къ нему, понесло на высоту — Поэзія: первая его пѣсня, омо-

1) См. Дневникъ 1839 г. 12/24 апрѣля: „дома дописывалъ Камоэнса“.

ченна слезами, лежала передъ нимъ, исчезла ночь и исчерпана мѣра его страданій: „моя душа на крыльяхъ пѣснопѣнья нашла утѣшеніе въ Богѣ, я пѣлъ — и позабылъ“ 1). Иначе у Жуковскаго:

Съ той минуты чудной
Исчезла ночь во мнѣ и вокругъ меня;
Я не былъ ужъ одинъ, я не былъ брошенъ;
Страданій чаша предо мной стояла,
Налитая цѣлебнымъ питіемъ;
Моя душа на крыльяхъ пѣснопѣнья
Взлетѣла къ Богу и нашла у Бога
Утѣху, свѣтъ, терпѣнье и замѣну.

Въ послѣднемъ монологѣ Камоэнса поэзія является ему въ предсмертный часъ; у Гальма этого нѣтъ.

О! ты-ль? тебя-ль часъ смертный мнѣ отдалъ,
Мою любовь, мой свѣтлый идеалъ?
Тебя, на рубежѣ земли и неба, снова
Преображенную я вижу предъ собой;
Что здѣсь прекраснаго, великаго, святова,
Я вдохновенною угадывалъ мечтой,
Невыразимое для мысли и для слова,
То все въ мой смертный часъ пріяло образъ твой
И, съ миромъ къ моему приникнувъ изголовью,
Мнѣ стало *впрюу, надеждой и любовью.*
Такъ, ты поэзія: тебя я узнаю;
У гроба я постигъ твое знаменованье.
Благословляю жизнь тревожную мою!
Благословенно будь души моей страданье!
.
Поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли.

Къ толкованію послѣдняго стиха Жуковскій вернется въ письмѣ къ вел. князю Константину Николаевичу (19/31 октября 1849 г., Баденъ).

1) *War ich nicht mehr allein, nicht mehr verlassen,
Mein erstes Lied lag thränenfeucht vor mir
Mein Geist, erhoben von des Leides Schwingen,
Fand Trost bei Gott, ich sang und ich vergass.*

Толкованіе примыкаетъ къ характеристикѣ общественнаго настроенія конца 40-хъ годовъ, бѣдственнаго, прозаически разрушительнаго времени, „въ которомъ все, одной душѣ принадлежащее, все святое, божественно-историческое уничтожено“, господствуетъ грубый матеріализмъ и всякая безусловная вѣра смѣшна. Объясняется это разложеніе — отсутствіемъ поэзіи той поэзіи, которую онъ опредѣлилъ: „*поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли*“. „Богъ есть истина, къ этой истинѣ ведетъ вѣра, которой цѣль лежитъ за границею здѣшняго міра“, слѣдовательно поэзія „есть мечта истины, т. е. ея земной образъ, если только эта мечта есть мечта святая. Но эта мечта можетъ быть и не святою.... тогда она антипоэзія, *духъ тьмы въ мечтахъ земли развратныхъ*“. Источникъ истинной поэзіи „есть вдохновеніе (которое я назвалъ бы вѣрою въ великое и прекрасное, вдругъ объемяющее душу нашу). Такое вдохновеніе болѣе или менѣе всякой душѣ доступно; и много было на землѣ великихъ поэтовъ, не написавшихъ ни одного стиха. Напримѣръ, одна изъ высочайшихъ минутъ такого вдохновенія выразилась въ одномъ словѣ: *На комна!* которымъ многочисленная толпа бунтующаго народа брошена была на землю передъ святынею вѣры и власти. И отсутствіе этой то поэзіи произвело то, что теперь вездѣ передъ нашими глазами творится“.

Судъ надъ недавней и современной поэзіей, который творилъ Жуковскій въ письмѣ къ Гоголю, свидѣтельствуется, что какъ въ его религіозно-политическихъ, такъ и въ литературныхъ взглядахъ прогрессъ состоялъ въ упорядоченіи давно составленныхъ убѣжденій. Если Байронъ нѣсколько пощаженъ, то потому, что его заслоняетъ „падшій ангелъ свѣта“, Гейне, о которомъ Жуковскій выразился какъ-то въ салонѣ Смирновой, что теперь у него одного и есть поэтический талантъ, соединенный съ остроуміемъ¹⁾. Въ числѣ обвиняемыхъ нѣтъ ни одного русскаго имени, а было мѣсто и для Пушкина, и для Лермонтова, котораго Жуковскій считалъ замѣчательнымъ лирическимъ талантомъ; онъ восхищался его „Купцомъ Калашниковымъ“²⁾, котораго уговорилъ отдать въ печать.

Мѣсто для обвиненій нашлось въ частныхъ бесѣдахъ и письмахъ. „Гдѣ ты напелъ у насъ литературу? говорилъ онъ

1) Сл. Записки Смирновой, Сѣв. Вѣстникъ 1895 г. іюль, стр. 86.

2) Ib. стр. 85, 95. Сл. дневникъ 1839 г. 24 октября: чтеніе Демона.

въ 1830 г. И. В. Кирѣевскому. Какая къ чорту въ ней жизнь? Что у насъ своего? Ты говоришь объ насъ, какъ можно говорить только объ нѣмцахъ, французсахъ и проч.“¹⁾ „Избавьте насъ отъ противныхъ Героевъ нашего времени, отъ Онѣгиныхъ и прочихъ многихъ, имъ подобныхъ, пишетъ онъ графу В. А. Сологубу въ 1845 г.; это бѣсы, вылетѣвшіе изъ грязной лужи нашего времени, начавшіеся въ утробѣ Вертера и расплодившіеся отъ Донъ-Жуана и прочихъ героевъ Байрона“²⁾. Русская литература пала, пишетъ онъ фонъ-деръ Бриггену (1/13 іюня 1846 г.), пала не съ высоты, какъ нѣмецкая или французская, потому что перешла на базаръ торгашей не черезъ святилище науки, „а прискакала туда прямо проселочною дорогою и носить по толкучему рынку свое тряпье, которое съ смѣшною самоувѣренностью выдаетъ за цѣнный товаръ“³⁾. Онъ поощряетъ графиню Растопчину къ „истинной поэзіи“ (къ ней 25 апрѣля 1838 г.), но только талантъ оказался у нея истиннымъ, а „ея поэзія принадлежитъ къ чудовищной породѣ поэзіи нашего вѣка, разрушающей всякую святыню“ (къ Булгакову 13/25 мая 1847 г.). А. Н. Майковъ встрѣтилъ въ немъ сочувствіе: „онъ можетъ начать разрядъ новыхъ русскихъ талантовъ, служащихъ высшей правдѣ, а не матеріальной чувственности. Пускай онъ возьметъ себѣ въ образецъ Шекспира, Данте, а изъ древнихъ Гомера и Софокла. Пускай питается исторіей и знаніемъ природы, и болѣе всего знаніемъ Руси, той Руси, которую создала намъ ея исторія, Руси, богатой будущимъ, не той Руси, которую выдумываютъ намъ поклонники безумныхъ доктринъ нашего времени, но Руси самодержавной, Руси христіанской — и пускай, ско-

1) Письмо 12 января 1830 г. Полное собр. соч. И. В. Кирѣевского, т. I, стр. 28.

2) Сл. Русскій Архивъ 1896 г. № 3, стр. 462.

3) Сл. письмо къ Погодину того-же года по полученіи его „Похвального слова Карамзину“: время, въ которое Карамзинъ дѣйствовалъ на поприщѣ русской литературы (время его двухъ журналовъ), было лучшимъ временемъ, хотя младенческимъ, нашей литературы. При теперешней ея большой дѣятельности, при ея возмужалости едва-ли она подвинулась впередъ къ лучшему. Литература наша, не пройдя своего книжно-творческаго періода, перешагнула въ журнально-меркантильный. Этотъ періодъ начался, когда Карамзинъ скрылся въ тишину своего кабинета и безмолвно тамъ готовилъ въ продолженіи многихъ лѣтъ свою монументальную книгу (Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина. VIII, стр. 213—14).

пивъ это сокровище знаній, это сокровище матеріаловъ для поэзіи, пускай проникнетъ свою душу святынею христіанства, безъ которой наши знанія не имѣютъ цѣли и всякая поэзія не иное что, какъ жалкое сибаритство,—русалка, убійственно щекочущая душу“¹⁾.

Характеризуя въ 1845 году плачевное состояніе русской литературы, Плетневъ говорилъ объ „одинокствѣ старчества“, въ которомъ очутился Блудовъ²⁾; въ такомъ же одинокствѣ оказались и Вяземскій и Жуковскій: жизнь обгоняла ихъ впопыхахъ и съ промахами, въ которыхъ сказывалось однако же исканіе новыхъ путей, либо пятилась, и они не сѣумѣли въ ней найтись. Говорили, что Жуковскому пора и на покой съ его поэзіей, годной только юношѣ, у котораго кипитъ кровь и играетъ воображеніе; Бѣлинскій отозвался на IX-й томъ его стихотвореній (1844 г.): Жуковскій какъ-бы самъ чувствуетъ, „что уже прошло время для романтической поэзіи“, и является теперь на поэтическое поприще болѣе, какъ ветеранъ, чѣмъ какъ воинъ, состоящій на дѣйствительной службѣ. „Его теперь занимаетъ не сущность содержанія, а простота формы въ изящныхъ произведеніяхъ“, простота „нѣсколько искусственная; говорятъ, онъ переводитъ Одиссею; переводъ будетъ образцовый, если поэтъ посмотритъ на поэму „прямо по гречески, а не сквозь призму нѣмецкаго романтизма“. Въ другомъ смыслѣ провѣщился въ 1845 г. Бурачекъ: „Жуковскій уже совершенно преклонился передъ римскимъ истуканомъ французской, нѣмецкой и англійской лже-поэзіи. Онъ уже вовсе былъ чуждъ русскаго духа и стихіи. Мораль его — мораль римская. Вліяніе его на современниковъ было полное: онъ создалъ Пушкина. Только въ послѣднихъ его стихотвореніяхъ начинаетъ пробиваться духъ Евангелія, но духъ все-таки римскій, а не русскій. Но его послѣднія стихотворенія уже не дѣйствуютъ на юное поколѣніе русскихъ—оно улыбается имъ“³⁾. „Одинокство старчества“ поддерживалось въ Жуковскомъ еще и отчужденіемъ

1) Сл. Барсуковъ I. с. т. XI, стр. 415: къ М. П. Погодину, 7 декабря 1861 года. Сл. письмо къ Плетневу 15/27 ноября того-же года.

2) Къ Жуковскому 2 марта 1845 года.

3) Маякъ 1845 г., т. XXII: Критическій обзоръ народнаго значенія Вселенской церкви на западѣ и на востокѣ, гл. IV. Критика, стр. 95. Сл. замѣчательное письмо кн. Вяземскаго къ Жуковскому 12 апрѣля 1846 г., Русская Старина 1902 г. октябрь, стр. 205 слѣд.

его отъ русской дѣйствительности въ долгіе годы, проведенныя имъ за границею, гдѣ его міросозерцаніе и его поэзія развивались, внѣ контроля, изъ старыхъ началъ. Плетневъ былъ правъ, когда въ 1845 году (1/13 ноября) писалъ ему: „О перѣздѣ вашемъ сюда я каждый разъ думалъ съ какою то печалью, хотя и желалъ бы при концѣ моихъ дней иногда счастливить себя свиданіями съ вами и вашими особенно. *Здѣсь не климатъ вашей поэзіи.* Ей нужно именно то, чѣмъ вы дышите теперь.... Что лучше Франкфурта и особенно Дюссельдорфа? По крайней мѣрѣ откладывайте это антипоэтическое возвращеніе столько, сколько будетъ возможности“.

Въ Дюссельдорфѣ и Франкфуртѣ осуществились для Жуковскаго бѣлевскія грѣзы о тихомъ семейномъ счастьи, и его поэзія вступила на свой послѣдній путь.

Въ 1845 году видѣла его съ женою въ Нюрнбергѣ вел. кн. Ольга Николаевна: „точно нѣмецкая картина, но онъ остался русскимъ и ждетъ, когда здоровье жены позволитъ ему возвратиться къ намъ“¹⁾. Русь стала для него живымъ воспоминаніемъ и идеализировалась тѣмъ грандіознѣе, чѣмъ гуще его охватывала нѣмецкая атмосфера. Ту же „идеализацію дали“ испыталъ Тютчевъ.

1) Плетневъ къ Жуковскому 25 декабря 1845 г. / 6 января 1846 г.